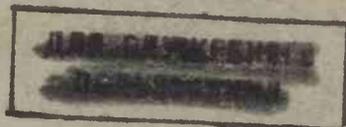

Кув. 2481.

Фено и т.

Список произведений
с №. сг. министерства Математическим СМ.

III.

р. в.

Д. Мороз.

ОТДЕЛ РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

ЛИСТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ

Фонд № _____ Опись № _____ Ед.хр. № _____

Дата	Фамилия, И.О.	Характер использо- вания документов	№№ использован- ных листов или документов
18.02.71.	Бабайев А.	просмотрен.	
27.05.71.	Смоловский И.И.	просмотрен.	
4.8.1983	Добров П.В.	просмотрено	
3.12.1984	Садиков Н.Ф.	просмотрен	

Лич. 2181.

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

СТЕНОГРАММА

беседы с тов. МАТЕВОСЯН Самвел Минасовичем.

Беседу проводит
научный сотрудник
ЕЛОВЦАН Ф.Л.

Записывает
Шамшина А.И.

19 декабря 1944 г.

гор. Брест.

Гвардии старший лейтенант.

Командир стрелковой роты.

4-й полк, 6-я гвардейская

Ровенская краснознаменная

дивизия, 13-я армия, 1-й

Украинский фронт.

1912 г. рождения.

Армянин.

Член ВЛКСМ с 1927 по 1941 г.

Член ВКП/б/ с 1940 г.

Инженер.

Образование высшее.

Награжден орденом Красной

звезды.

Родился в Карской области, село Карабах в Армении. Сын рабочего. Отец до революции работал на строительстве карской крепости в качестве мастера каменотеса, после революции - рабочий. В старое время он был еще немного репрессирован, не раз его таскали в жандармерию за неспокойный характер. С 1917 г. работал на заводе в качестве рабочего цинковых печей, член профсоюза металлистов с 1918 г., умер в 1927 г.

Я и учился и работал одновременно в той-же школе, где учился. С 1925 г. начал работать курьером в этой школе. Там-же мы и жили при школе. Среднюю школу не удалось окончить. Отец умер, братьев дома не было. Один брат был в армии, другой на работе, но это не удовлетворяло семью. Пришлось бросить учебу, идти на завод, где отец работал. Там окончил курсы по подготовке во ВТУЗ. Поработал на заводе, в 1934 г. отправили на учебу с завода, как тогда назывались - выдвиженцы. Еще на заводе был секретарем заводской комсомольской организации завода Севкавцинк в гор.Орджоникидзе, был членом бюро комсомола.

В 1936 г. окончил институт Цветметзолота обще-теоретический курс в Москве, диплом защищал в Иркутске в 1936 году. Вызвали в Москву в Наркома Тяжелой промышленности. Был у ОРДЖОНИКИДЗЕ несколько раз на приеме. Мне предложили поехать в Казахстан. Приехал туда. Начал со сменного инженера и дошел до главного инженера рудников, потом начальником рудников стал. В 1937 г. оттуда вызвали. Там уже работа была налажена. Отправили в Армению. Работал главным инженером группы рудников Зангмедкомбината. Последняя должность - начальник группы рудников ленгруппы. Здесь расцвет моей технической мысли. Удалось кое-чего добиться. Рудники эти ~~тогда~~ время получали государственные дотации, а за год семь месяцев моей работы они дали экономию 3664 тыс. рублей. Это был первый переворот в добычи меди. Но-

10, 10, 1

вую систему я предложил - добычу медной руды ^{с маленькой коллиерской} ~~близ~~ пустой породы. В газетах об этом писали несколько раз, представили к награде моих подчиненных. В это время приехала к нам из Наркомата Цветмета какая-то группа, чтобы передать опыт другим комбинатам. Разговорился с ними. Я передал то, что надо им и перугался с одним профессором ^{работы} резко из-за пустяка. Он говорит:

- Нарком меня послал.

Я говорю:

- Слушай, что мне твой нарком. ^{Я слушаю нарком...}

Поругались. Они поехали туда и за это я лишился наград. Это меня немножко потревожило. Наркома потом с работы сняли за очковтирательство. Об этом я уже в армии узнал.

Тут уже подходила осень 1939 г. Я был включен в номенклатурный список работников ^{на комбинате} ~~Наркомата~~. Написал маленькое заявление, чтобы меня отправили в армию. Всем это было дико. Я говорил, что пойду в армию, потому что чувствовал напряженное состояние на западе. Директором комбината был мой одноклассник по учебе, дал возможность выехать в армию. Приехал в армию, как раз в Брест, в 1939 г.

Начинали с самого простого: налево, направо, шаг назад, шаг вперед. До этого проходил военно-войсковую подготовку, лагерные сборы, но в кадровой армии не служил.

В 1939 г. был рядовым. К 1940 году мне предложили перейти на комсомольскую работу.

Раньше наш полк стоял в крепости, потом перешел в Химгородок, полигон, потом опять в крепость перешел. С 1940 г. начал руководить комсомольской организацией нашего полка 84-го ^{Зиминского Особого} 6-й Краснознаменной дивизии. Был на конференции Брестского Особого военного округа, на 6-й окружной комсомольской конференции, встречался с некоторыми работниками нашими высшего порядка. Чувствовалась, с одной стороны, беспечность, с другой стороны, какое-то безразличное отношение к тому, что делается в пограничной полосе.

Как раз перед войной за 2-3 недели приехала бригада. Было совещание, был представитель из Главного Управления Красной Армии. Я был секретарем комсомольского бюро, знал об этом. На это совещание меня пригласили. Кроме того, мне все время начальник особого отдела дивизии предлагал выезжать на точки, которые строили наши дивизии, доты так называемые. Границу укрепляли, но беспечность была в том смысле, что не готовили солдат на это. Граница неплохо была укреплена в техническом смысле. Я все время выезжал с начальником особого отдела дивизии на укреп. точки. Там был недостаток технического характера, организационного характера.

На совещании делал доклад командующий 4-й армией нашей, фамилии его не помню, генерал какой-то. После его доклада начались маленькие прения. Я минуты три говорил. Сказал, что такое состояние к хорошему не приведет. В крепость привели пополнение, которое нужно го-
лши

Знамя

товить далеко от границы. Набрали местных, все перемешалось, тысячи людей в крепости. Там была наша дивизия, была 49-я дивизия, были армейские, корпусные части. Я сказал, что это к хорошему не приведет и писал попутно об этих недостатках. Перед войной было приказ сдать личное оружие на хранение.

Вот и вспыхнула война, я оказался прав. Было так. Вечером поздно 21-го я пришел домой в крепость. Дежурный по полку сказал, что есть приказ, что завтра командно-начальствующий состав выходит на осмотр военной техники на полигон, т.е. за пределы крепости. Командиры, имея в виду этот приказ начальника гарнизона, ушли из крепости по своим домам. На рассвете в половине четвертого, примерно, все ~~то~~ задрожало, все полетело. Сильный артиллерийский обстрел. Я выхожу. Одежда быстро. Дежурный по штабу бежит ко мне. Спрашиваю, что такое. Он говорит — не знаю. Бегу к полковому комиссару ФОМИНУ. Он тоже не знает, что такое. Говорю:

— Очевидно, война, смотрите что делается.

Мы думали, что склад взрывается какой-нибудь.

Народ, который был при штабе, ушел в подвал, писаря всякие, дежурные по полку и т.д. Там было много народу, потому что некоторые жили там. Немцы открыли сильный огонь и до самого рассвета артиллерийская подготовка велась. Многие не успели одеться.

Огонь этот до утра продолжался. Немножко затихло, надо выходить. Никто не рискует выходить, потому что уже слышна на улице крепости перестрелка. Кому ни прикажешь, не слушают. Я выскочил, меня пуля в лоб и поцеловала! ~~легко~~ Смотрю; немцы бегают около нашего штаба. Возвращаюсь. Комиссару говорю:

— Такое положение, немцы уже в крепости.

Немцы начинают закидывать гранаты в укрытия. Тут уже раненные появились наши. Я говорю, что если мы будем сидеть, всех перебьют. Беру комсомольскую группу. Оружия было мало. Основной наш резерв находится в соседнем помещении, батальоны рядом с нами. Беру комсомольскую группу, посылаю по батальонам брать людей.

Командир полка ДОРОДНЫХ был в городе. К нам еще прислали младших лейтенантов 27 человек. Только два дня, как они прибыли. Это был совершенно молодой состав, только со школьной скамьи, а основные офицерские кадры, скажем, командиры батальонов, командиры рот были в городе. Капитан

ГРИБАКИН, помощник командира полка по хозяйственной части пытался к нам пробраться, но не удалось.

Я остался в крепости. Как восстановить связь? Я до этого был радистом, сам сел на аппарат, начал выстукивать, вызывать. Никто не отвечает, а немцы все звуки в эфире глумат. Ни черта не добился.

Соседние части в еще худшем состоянии. Там абсолютно нет командиров. У нас хотя один-два командира есть.

Надо батальоны вывести из подвалов, из казарм, в боевые порядки поставить. Полковой комиссар приказывает мне организовать это дело, одевает мне четыре шпалы, снимает с себя гимнастерку:

— Идите и действуйте, другого выхода нет.

Одеваю гимнастерку. Начал людей выводить и люди вышли.

Третий батальон стоял рядом со штабом полка. Прихожу. Комсомольская группа сильная была. Комсомольцы первые вышли, за ними остальные и заняли оборону на территории крепости. Начали обороняться.

По соседству с нами стоял 33-й ОРБ /Отдельный механизированный разведбатальон/ абсолютно без командиров. Это самостоятельная единица. Они подчинялись непосредственно дивизии. Машины у них были заправлены, но боеприпасов нет. Прибегаю туда. Секретарь их батальонной организации мой хороший знакомый, говорит:

- Такое положение.

Я говорю:

- Давай сюда людей из нашего пехка.

Он говорит:

- Машины без боеприпасов.

А их склады боеприпасов уже начали гореть. Я прибегаю к первой машине. Водитель оказался комсомольцем. Подъезжаем к складу, загружаем боеприпасами. Другие водители видят такое дело, тоже подъезжают к складу. Крыши все горели, снаряды уже нагревались. Нагрузили четыре бронемашинны и ушли. Подогнали машины туда, где мы оборону держали. Минут пяти не прошло, все это ^(сначала) взрывается. беру я три бронемашинны, сам сажусь в первую машину и говорю:

- Будете следовать за мною.

На машинах рация есть.

Вышли из крепости через речку на другую часть крепости. Повернули к воротам в сторону города. Когда туда вышли, через мост проходили, обстреляли нас из пулемета, но пули были простые. Я дал им в ответ пару очередей. Простые пули - это для нас чепуха.

Немцы были уже в самой крепости.

Там есть много старых деревьев. Машины поставили под дерево. Вижу, немцы уже через вал цепью входят. Я это передаю машинам:

- Как я открою огонь, поддержите.

3 пушки и 6 пулемета на бронемашиннах.

Открываю огонь. Все три машины дали по этой цепи. ^{Они} Оттуда никто не вернулся.

У нас боеприпасы кончились. Вернулся за пополнением боеприпасами. Когда возвращался, начали обстреливать бронбойными пулями. Башенный стрелок на той машине, где я сидел, был ранен в ногу. Он начал кричать. Там, где я сидел, пуля пробил бензопровод около моего затылка и бензин начал литься на меня. Башенный стрелок уже не может действовать. Я приказываю развернуть машину. Водитель, замечательный парень, развернул машину. Я из пулемета дал очередь. Задняя машина, видя, что обстреливают бронбойными, отошла назад, туда, где мы стоим.

Прихожу. Боеприпасов здесь нет, этот склад уже догорает. Подходим к другому запасному складу. Оттуда пополнились боеприпасами. Обрато возвращаюсь. Посадил одного артиллериста вместо башенного стрелка, уже пехотинца. Когда перейти мост, по этой точке, откуда немцы вели огонь, орудийный залп дали штук 7 снарядов. Эти немцы все затихли. Иду обратно на то место, где машины

остались. Машины мои стоят, людей там нет. Вызываю по радио. Выходить нельзя из машины. Пули свистят, перестрелка идет, никто не отзывается. Постоял немного, открываю дверь, выхожу и упал под машину. Никого нет, только немцы метрах в 400 уже другой стороной заходят.

Оказывается, танкисты мои пришли, увидели такое положение, решили выйти из машин, уйти в укрытие. Когда я вышел из машины, один из них бежит ко мне и рассказывает, что они решили уйти в укрытие.

- Давайте, садитесь по местам.

Сели они, патрон у них нет. Я говорю:

- Сейчас вас буду поддерживать.

Новая цель немцев появляется. Тут уже пришлось экономить патроны, чтобы на обратном пути отстреливаться. Пару очередей дали. Вернулись с этими тремя машинами в центр нашей обороны, где пехота была. Немцы или наши, не знаю, у выхода из крепости поставили машину поперек у самых ворот. Пешему человеку можно как-нибудь проскользнуть, но машинам выйти не было никакой возможности. Там санитарная немецкая машина легковая открытая с белым флагом, с крестом проскочила по дороге. Сидело там два или три немца. Санитарной машине там делать нечего. Меня зло взяло, потому что они с утра открыли огонь по нашему госпиталю. Там были больные. Думаю: санитарная машина с белым флагом, как будто по международным законам нельзя по ней стрелять. Расчету говорю:

- По машине дайте огонь, чтобы они знали. Раз можно по нашим раненым палить, значит и по ним стреляйте.

Эту машину подожгли на месте и вернулись. Склад этот начал тоже гореть, к другим складам невозможно добраться, мост уже взорван, который ведет к главным складам. Многие склады уже взрываются. Выхожу из машины, прихожу к комиссару, говорю - такое положение. Он вышел, с батальоном здесь находится. Сам он со штабом в подпольном помещении и вокруг батальоны. Говорю: нужно переключаться на перестрелку солдатскую. А тут самолеты налетают, листовки, бомбы, бомбы, бомбы.

Прихожу, докладываю, что немцы частично сидят в доме, где комсоставская столовая была. Оттуда обстреливают нас. Этот дом нужно разрушить. Комиссар говорит:

- Надо проверить, а может не сидят немцы.

Я говорю:

- Как они могут стрелять по нас.

- Найдите, - говорит, - бинокль.

Подхожу к одному ~~солдату~~ ^{солдату}. Он оказался большим подледом, нашлся пьяным, бинокль у него висит. Говорю:

- Дайте бинокль, нужно посмотреть.

- А я, - говорит, - не дам.

- Как не дашь?

- Не дам.

Я сразу с двумя бойцами, веду к комиссару: Привели к комиссару. Прихожу и я. Нужно было приказ дать, чтобы люди окопались, тут бомбежка идет. Прихожу, комиссар с ним ругается. Я спрашиваю:

- Что вы с ним ругаетесь?

Он говорит:

- Делай с ним что хочешь.

Я у него отнимаю револьвер, бинокль, солдатам говорю:

- Отведите, поставьте к стенке его, беру наган, бинокль и иду смотреть. Там действительно оказались немцы. Поставил свой пулемет, начал давать туда усиленный огонь, заставил замолчать. Пулемет оттуда больше не работал.

Прибегает МИХАЙЛОВСКИЙ из роты связи, докладывает, что немцы с красным флагом идут через мост. Там ниже крепости есть мост через реку. Из крепости это видно. Бегу туда удостовериться. Я сам не знал, что немцы красный флаг несут. Прихожу, действительно, немецкий флаг со свастикой. Вывел 45-ку пушку одну, поставил в направлении моста, 3 пулемета "Максим", давай по мосту лупить, чтобы прекратить движение. На мосту получилась заваруха, они отошли. Те, которые прорвались, уже пошли. Они заметили, откуда стреляли, сюда усилили свой артиллерийско-минометный огонь. Через некоторое время летит самолет и по этому месту начинает бомбить. Конечно, жертвы, раненые.

Первый день я получил легкое ранение и стыдился сказать, думал, что это может повлиять на людей. Сказал врачу нашему, он мне сделал перевязку. Я был ранен в спину.

Привели одного немецкого офицера, допрос сделали. Мне здесь помог лейтенант КУЗНЕЦОВ ^{этот человек был из штаба дивизии} ~~некто~~. Если-бы не он, я бы погиб. Он сильнее меня оказался. У офицера висит планшет, кресты и, характерно, все немцы в черных касках, а этот в старой кайзеровской каске. Привели. Переводчик докладывает, что это немецкий офицер из 45-й дивизии. Спрашиваю, откуда у него эти кресты. Говорит: с первой войны этот крест, за Францию этот, за Польшу этот. В планшете фото-снимок крепости и на снимок попали даже отдельные личности, которые по улице ходили. Видно, что фигура человека здесь, там строй идет и все склады боеприпасов красным карандашом обведены. Он говорит, что снимок сделан 6 или 5 июня. В воскресный день как раз над крепостью летали самолеты немецкие и они этот снимок произвели, а по этому снимку легко ориентироваться, где какие казармы, какие входы, выходы, где какие высоты. Спрашиваю:

- Откуда вы знаете, что именно здесь склад боеприпасов?

Он мне говорит:

- Мы не только знаем, а нам известно, кто в крепость приходил, кто уходил из крепости.

Его тогда к стенке, расстреляли, этот планшет его забрали.

У меня была надежда пробраться в штаб дивизии, который находился в городе. Приношу этот планшет Фомину, говорю: такое положение, документы ценные. Он говорит:

- Ну что-же, сможешь прорваться?

Как прорваться? Уйти одному, может быть даже удастся прорваться до штаба дивизии, все равно здесь опять будет каша. А люди уже по настоящему начали воевать. Увидел, что наши машины обстреливают пень, пленные появились немецкие. Одного приводят, другого. Одного немца из уборной я вытащил, привел. Он в уборной

спрятался, весь выпачкался. Чтобы поднять настроение, для смеха я привел его, говорю:

- Смотрите, кто воет.

Все посмеялись.

Музыкант у нас был ОГАРКОВ, комсомолец. Я говорю:

- Нужно пробраться в музыкальную команду, взять инструменты.

Он первый побежал за своим аккордеоном, принес его, начал играть. Это немножко подбодрило людей.

Настала ночь. Трупы валяются, помощи никакой нет, перевязочного материала нет, боеприпасов недостаточно, надо беречь их, а западники уже начинают группироваться, оружия не берут в руки, заявляют, что они воевать не будут. Я всем комсомольцам сказал:

- Заметите группу, расстреливайте, не стесняйтесь.

А винтовки уже были у нас. Комсомольцы следили за этим делом. Западники сильно повлияли на новое пополнение, молодое, которое прислано было даже не переодевшись. По крепости началась беготня этих людей. Батальон, который стоял против нас, буквально, в таком паническом состоянии был. Сотнями людей забили все казарменные ходы подземные. Забегаю туда, со мною мой помощник. Спрашиваю:

- Кто здесь старший есть?

Нет ни одного старшего, а если были некоторые, то они не появлялись. Вызываю младших командиров, говорю, что нужно организовать, ничего страшного нет, нужно продержаться, потому что соседняя дивизия скоро придет нам на помощь. Три человека выходят, начинают выводить своих бойцов для обороны. 44-й инженерный батальон - это не веховская единица. Они и смотрели на нас, как на спасителей.

Были отдельные случаи, когда некоторые бойцы старались переплыть через реку, уходить просто. Я всем передал, что кто будет переходить, заметит, расстреливайте на месте. Будем держаться, пока есть силы.

25-го я получил новое ранение осколочным сравнительно легкое. Оборонялись. Уже силы начали уменьшаться, есть уже убитые, раненые, некоторые успели ускользнуть, но основное ядро осталось. Немцы беспрерывно били, падали. Мне только не удалось окончательно восстановить связь с 333-м полком, который был по соседству с нами. Пограничники прибежали к нам, влились в нашу группу. Кажется, 19-й участок их был. Они тоже не знали, что делать.

В воздухе у немцев висели наблюдательные баллоны. Я приказал нашей артиллерии открыть огонь по этим баллонам, 2 баллона сбили. Они руководили боем по всей линии на территории Бреста. Один баллон сбили над полигоном, другой выше крепости был. Но это не спасло положения. Связь по радио не удалось восстановить. Полковой комиссар говорил, что он как будто со штабом дивизии связался и командир дивизии приказал держаться, пока он сам не придет в крепость. Это нас обнадежило.

Там были такие моменты, что сидят группами 5-10 человек наших. Немцы нахмут, мы переходим в другое помещение и так кочевали, сегодня здесь, завтра в другом помещении. Кушать нечего было, воды не было; вонища, трупы разлагаются, жарко было. Поле стадиона все было усеяно

немецкими трупами. Сколько я после этого ни был в боях, еще не видел такой картины, чтобы так плотно труп к трупу лежал. Немцы были все пьяные.

Боеприпасы уже иссякают, винтовки с патронами только остались. Гранат не было. Пулеметы, которые были, не удовлетворяли уже, ленты кончились. Ждали помощи, никак не могли дождаться.

С 4-го на 5-е я получил уже тяжелое ранение, третье по счету. Я помню момент, когда ударило меня. Я упал, почувствовал, что в ногу. У меня в правой руке был пистолет ТТ. Пистолет выбросил из руки, чтобы прикрыть эту рану, пука в рану влезает. Я фуражкой прикрыл. Подбегают мои товарищи, тащат на перевязку. Врач был комсомольцем, между прочим, фамилии не помню. Он прибежал, сделал перевязку. Прибежал полковой комиссар, поцеловал меня. Мне жалко стало, что я вышел из строя окончательно.

- Ах, что ты сделал, дорогой!

Врач перевязал меня, вышел. Когда уже сделали перевязку, я попросил пистолет. Пистолета не дали, оставили около меня двух сержантов, одного фамилия АШГУЛЯН, другого не могу вспомнить.

У меня было намерение покончить с собой, потому что выхода нет. Врача, который мне перевязку сделал, потом мне передавали, вышел и застрелился, сказал:

- Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться.

У меня было сильное кровотечение, перевели в подвальное помещение. Сколько я там лежал, не помню знаю. Оттуда уже меня немцы вытащили, вытащили наши люди, немцы уже вокруг. Это было с 5 на 6 июля. Они больше всего на волосы смотрели. Если волосы есть - это значит комсостав. А я тогда был не комсоставом, был заместителем политрука, этим рядовой занимается. Очевидно, это их и успокоило, что я рядовой и они меня не расстреляли. Потом привезли туда, где сотни наших раненых людей валялись. Наши врачи ПЕТРОВ Ю. В., ЕРМОЛАЕВ С. С., они раньше из госпиталя попали к немцам, потом МАСЛОВ Б. Ю. в плену был. Эти врачи и ухаживали за своими ранеными со своими медикаментами.

Мне сделали перевязку снова. На ранах уже черви были. Нас вынесли уже за крепость, привезли в химгородок. Здесь подлечили немножко. Там все время я лежал, потому что боялся, что вот-вот выдадут. А их интересовало, кто в крепости был командиром, кто руководил.

Наши врачи подлечили. Петрову я сказал, что здесь не останусь. Он был со мною в хороших отношениях, за мною исключительно ухаживал. Где нужно было найти лишнюю дозу таблеток, которые восстанавливают кровь, он давал. Я ему рассказал, что уйду отсюда, Маслов был там и ушел, взял 5 человек. Это было 1 сентября. Ушел ночью. Лазарет уже был опутан колючей проволокой в несколько рядов. Болы стоят обтянутые, в середине навалено так, что никакой возможности пройти нет. Беру этих пять человек. Баня была за второй линией проволоки. Раненные имели возможность ходить в баню только строем. Стоит часовая. Там был один саксонец. Он тоже был недоволен немцами и мы ожидали момента, когда он будет на посту.

Я собрал этих людей, сказал, что намерен так сделать. Они согласились со мною и мы под вечер, часов в 5-6 взяли белье, простыни, наволочки и сделали вид, что идем в баню. Он пропустил нас. Пришли в баню. Старик в бане служил, наш сторож гражданский. Помылись, он ничего не сказал. Я сказал, что как помоемся, полезу на чердак бани. Полезли туда, сидели до ночи. Ночью они все время пускали ракеты и ночь попалась неудачная, лунная.

Под вечер, когда совсем стемнело, немцы обходили все помещения за второй проволокой, не спрятались ли кто-нибудь из бани, а на чердаке никто не будет смотреть, потому что с другой стороны бани их караульное помещение, а чердак общий.

Посидели там. Вылез! дверь уже закрыта из бани. Я беру обмотки, разматываю их, связываю четыре или пять штук, сделал веревку. Я первым спустился. Все сняли ботинки с ног, чтобы не было шума. Подхожу к дверям. Замок висит, но не закрыт. Очевидно, старик или заметил, что мы туда полезли и чтобы отвести глаза немцев замок туда повесил, или просто забыл закрыть, или ключа у него не было.

Я за замок, замок открылся. Открываю дверь, по ступенькам иду на чердак.

Вторая проволока от нас метрах в 35-40. Подползли на животах к этой проволоке. А немцы здесь ходят, что-то болтают. Перелез я, второй, третий, четвертый за проволоку зацепился. А они повесили на проволоку жестянки от коробок, чтобы они звонили. Это заметили, вероятно, начали пускать ракеты.

Мы вышли за проволоку все шестеро и побежали. Со мною был ХЛЕБНИКОВ. Жена его работала в военторге в городе. Когда мы были в лазарете, она почти каждый день носила ему кушать. Хлебников от меня откололся, пошел в город. Он говорил, что не хотел расставаться с семьей. Остальные, ЛЕВИЦКИЙ, АГАГУЛЯН, Арцвик, КУЗНЕЦОВ и НУРИДЖАНЯН, старший сержант остались и я пятый. Начали по лесам пробираться. Пошли в сторону Ковеля. У меня рана зажила, но не окончательно. В день сделаешь 5 км., ждешь, пока силы наберутся. Голод, организм истощал. Но нам крестьяне помогали. Я, откровенно говоря, не появлялся, все в лесу, а Кузнецов; живой и шустрый, все ходил, выпрашивал у крестьян хлеба и все, что нужно для дороги.

Двигались параллельно железной дороге и шоссе, которое идет с Бреста на Ковель. В хутора особенно не заходили. Бывали моменты, что приходилось через болота идти. Меня, буквально, на руках несли. Пробрались на Волынь. Агагулян и Нуриджанян откололись от нас, потому что они нацмены, были похожи на евреев, а евреев сильно преследовали. Немцы всех черных считали евреями. Я говорю:

- Такое дело, товарищи, надо разбиться на две группы. ~~Исполнение~~

Я остался с Левицким, Кузнецовым, а эти пошли вдвоем, здоровые хлопцы. Говорю:

- Вы более здоровы.

Кузнецов был ранен в плечо, Левицкий в переносицу. Говорю:

- Пробирайтесь через линию фронта. Постепенно будем идти.

Я с этими двумя хлопцами добрался до Больни в сторону Луцка. Скитались в лесах. В деревнях появляться воздерживались, потому что здесь начали уже ловить наших людей. Помню, одно село в Цуманском районе, Ровенской области находится в лесу. Левицкий остался в селе Хойны работать у крестьян. Мы с Кузнецовым решили дальше пробираться. Пробирались-пробирались, дошли до этого села, которое в лесу было. У Кузнецова была метрическая выписка, а у меня был поддельный красноармейский билет еще в лазарете, других документов нет. Думаю: на всякий случай пусть будет.

Некоторые крестьяне симпатизировали нам.

Пришли к солтусу, ночевать нужно, уже холод наступил. Староста села взял у меня этот билет, говорит:

- Правило такое, кто ночует, тот оставляет документ у меня, - и у Кузнецова метрическую выписку взял, сам вышел.

Мы сидим у него в комнате. Через пару минут придут три здоровых хлопца. Вновь организована полиция была по селам. Он их привел. В соседнюю комнату дверь открыта. Хозяин говорит:

- Один жид, а другой неизвестно кто, оба ранены, нужно их отправить в район.

Мы услышали, но не подаем виду. Просим дать ночлег. Он направляет свою девчонку:

- Подите в нашу хату, - уверен, что мы ничего не знаем.

Девчонка тоже ничего не знает, доводит до двери, говорит:

- Здесь живет хозяин и хозяйка, - а сама дальше не пошла.

Мы пришли к этим людям, попросили у них воды, о ночлеге ни слова и пошли. Пробирались, ночь в лесу.

В местечке четверти кушать надо было достать. Пришли до одного поляка. Кузнецов молодой. Поляк так и сказал, что "он у меня остается работать, я его усыновляю. А вы, - говорит мне, - идите в другое село, где мало бьют немцы, далеко от железной и шоссеной дороги."

Кузнецов остался там, я пошел дальше. По дороге встречаю пленных. Организовал маленькую группу человек в 8. Решили вооружиться. Выхода другого нет, фронт уже далеко. Надо вооружиться, в лесах перезимовать. 7 или 8 человек было первое время. Тоже такие были, командиры, все комсомольцы. Мы друг от друга не скрывались. Оружие, 2 винтовки были, один пистолет и несколько патронов, вот и все наше вооружение. Решили собрать всех людей, которые блуждают по деревням. Вернулись уже в район Ратно. Намерение было добраться до Беловежской пуши, там лес большой, спокойно, - перезимовать здесь, достать по пути оружие. *Вспомнил как-то зрелище был похорон. Армии советской Аста похорон.*

В конечном счете собралось 23 или 24 таких человека. Оборванные, бродят голодные. Под Ратно наткнулись на немецко-украинскую жандармерию. Это было в ноябре после праздника. Нас обстреляли. Я тут получил ранение новое, в бок ударило и в кисть правой руки. Разбежались,

сопротивления не окажешь. И с неким ПАВЛОВЫМ, младшим лейтенантом пробрался в Луцкую область по лесам и здесь один крестьянин нашелся в селе Чильск, некто РОМАНК, взял к себе. И ему не говорил, кто я, что я, просто сказал, что отец мой священник, другого выхода не было. Работать я особенно не умею, потому что я с завода.

- Если дадите возможность у вас перезимовать, залечить раны, значит, буду работать, все, что прикажете делать.

Крестьянин очень солидный, крупный землевладелец. Детей у них не было, старик с женой. И у них перезимовал и начал работать. На лето 1942 года началось украинское националистическое движение в этих районах. наших партизан здесь не было.

Характерно, когда группа наша зарождалась, мы песню сочинили. Припев такой был:

Это было в Белоруссии,
Шел проклятый 41 год,
Озверевшие фашисты нарушили...

.....
По полям, по болотам, по лесам шли...

Мотив подобрали к ней. Сядем где-нибудь и начнем. Стремление одно было: как-нибудь восстановить связь с фронтом, получить оружие и действовать. Партизан тогда вообще никаких не было. Националисты летом 1942 года стали полными хозяевами и немцев не стало в селах. В тех селах, которые были ближе к городам, начали брать пленных, а дальше не заглядывали.

В этом селе жил я до лета 1943 года. Партизан наших не было. И жил у этого крестьянина. Научился пихать, сеять и т.д. Раньше я думал, что все пшеницей называется, а оказывается, не все пшеница. И не знал, что белый хлеб из пшеницы получается, а почему-то пшеница в голове засела.

В селе жил. Приходили пленные наши, бежавшие из Германии, приходили высланные в Германию на работу. В селе этом уже были пленные, вначале их было пять, потом прибавилось, потом опять убавилось, менялся состав. Крестьяне дали мне кличку "батька пленных".

Крестьянин, у которого я жил, очень содержательный был. Уйти я не мог, документов не было. Внешность моя очень схожа с еврейской. Националисты в 1943 году летом пришли за мною, но крестьянин этот строго за меня стоял. Он имел большое влияние. Я сказал, что репрессирован советской властью, сослан на аэродром, получил во время бомбежки ранение, другого выхода не было. А документы достать невозможно. Итти от села до села - это значит попасть в руки националистов.

Летом 1943 г. пришел я вечером домой в июле месяце. Уже дома не спали летом. Даже хозяйка сама боялась спать, потому что националисты в соседние села приходили, пленного убили и хозяйку убили за то, что пленных держат. И спал в клуне. Ночью приходят. Хозяин любил пить. Он дома мало бывал. Ночью пришли, стучат часов в 12. И думаю: наверно, хозяин вернулся. Разговаривают: "учиняй, учиняй...", потом резкий удар, стекла полетели. И подхожу к щели. Смотрю, трое стоят у двери, один в окно лезет и фонариком освещает. И думаю: это за мною пришли. Открыл. В комнате

спал другой работник хозяина, польский хлопец лет 17, некто Стах. Спрашивают:

- Где он?

А тот говорит:

- В клуне.

Я слышу это, через другую дверь ухожу в поле. Темная ночь была. Оставил свое пальто на соломе, где спал. Прошел метров 50, думаю: теперь они меня не заметят.

Они крутились-крутились там, этого хлопча бьют:

- Где, покажи?

А он кричит:

- Видите, он здесь спал, - показывает на пальто.

Пару выстрелов они дали вверх и ушли.

Там был пленный некто Степан СЕНАТОВ. Я иду к нему ночью, говорю:

- Поднимай всех пленных.

Пошли до другого, Мишка там был, потом Иван был. Просидел ночь, прихожу к поляку, бывшему немецкому пленному. Он бежал из Германии, в польской армии служил, Иван, забыл фамилию. Говорю:

- Вот что, Иван, такое положение. Пришли гости, об этом уже по всему селу разнеслось. Оставаться мне здесь нет смысла. Я ухожу. Иду в партизанский отряд.

А пленные, которые здесь были, боятся идти. Говорю:

- Если пленные пострадают, так и знай, все село сожжем, - и ушел.

Пришел к хате, говорю:

- Прощай, спасибо тебе, что держал меня столько времени.

Добрался до железной дороги. Этот Иван дал мне справку на фамилию ТЕВОСЯНА С.А., там написал, что осужден и т.д. Голова побоялся оформить мне документы. Я пошел с этой справкой, дошел до Луцка. Там была мастерская сапожная. Прихожу туда, там бывшие пленные работают. Некоторые работают сторожами, некоторые сапожниками. Раненные там были. Встретил одного земляка. Говорю, что такое положение. Он идет к хозяину этой мастерской, немцу, говорит, что пришел земляк. Он меня знает, как бывшего осужденного, рекомендует меня, просит на работу устроить. Меня приняли на работу. Здесь я работал сперва сторожем, а потом назначили меня старшим по приведению в порядок двора, мостовую сделать, канализацию и т.д. Работал, пока наши не пришли в эту мастерскую.

В ночь на 1 февраля уже фронт был близко к городу. Немцы начали полностью эвакуироваться, раздали населению оружие, особенно польскому. На что они рассчитывали, не знаю. Я беру группу пленных, которых знал, у поляков берем оружие. Вот, теперь настал момент. Не удалось с партизанами соединиться, давайте сейчас действовать.

С 1-го на 2-е наши подходили уже к городу, а немцы через Киевскую улицу двигались, особенно где наши мастерские. Около мастерских кладбище. Мы здесь сделали засаду. Как раз шла колонна немцев. Я говорю:

- За все, что перенесли, за все мучения, огонь!

Тут залповый огонь, немцы разбежались, думали, что наши части в городе. Началась паника среди них, отступ-

Копия

СПРАВКА

Свидетельствую: гв. ст. лейтенант МАТЕВОСЯН Сергей
был ранен 25.VI 1941 г. в боях на защите Брест-Литовской
крепости и лечился мною. Диагноз: пулевое сквозное ране-
ние верхней трети правого бедра. Ножевое ранение пояснич-
ной области. Грануло-осколочное ранение правой голени.

Нач. АПГЛР 2514
Майор м/с. МАСЛОВ.

/б.начальник Брест-Литовского госпиталя/

/М.П./

2/545г.

С надменной - верно

др. Басовичев

В деле *ч. 1.* листов. *вообще*

пронумеровано *дверьки на раме*

19 *1945* г.

Подпись *Красн.*